

Е Цзинь сделала глубокий вдох и принялась успокаивать себя: ничего страшного, ничего страшного. Просто представим, что это маленький секрет между друзьями, о котором они обе знают, но молчат. Она всего лишь узнала об одном не самом приятном эпизоде из моего прошлого, ничего особенного, правда, ничего особенного.

Такое самовнушение, кажется, действительно сработало. Е Цзинь заметно успокоилась, и её лицо вновь обрело привычный цвет.

Войдя в гостиную, она увидела, что Цзян Яншуй уже сидит за обеденным столом и ждёт её.

Е Цзинь села, посмотрела на лежащий перед ней рисовый шарик и тихо вздохнула:

— Ну надо же, какой удобный и простой ужин.

Впрочем, она была настолько голодна, что, несмотря на ворчание, принялась с аппетитом уплетать еду, набив рот до отказа и с трудом пережёвывая.

— Ешь медленнее, подавишься, — Цзян Яншуй налила воды и пододвинула стакан к руке Е Цзинь. Глядя на её раздувшиеся щёки и широко распахнутые круглые глаза, она невольно подумала, что та становится всё больше похожа на хомячка.

Обе старались не упоминать о том, что произошло раньше. После повторной метки невидимая стена между ними рухнула, и теперь их общение стало даже более естественным и непринуждённым, чем прежде.

Взгляд Цзян Яншуй упал на шею Е Цзинь. После душа та небрежно собрала волосы на затылке, полностью открыв длинную изящную шею, на которой всё ещё виднелось покраснение от железы.

— Нужно намазать чем-нибудь?

— А? — Е Цзинь подняла голову, ещё не проглотив кусок, и широко открыла глаза. Проследив за взглядом собеседницы, она поняла, что та имеет в виду железу, поспешно проглотила еду и замотала головой: — Не нужно, рана неглубокая, в этот раз ты была очень осторожна!

Сказав это, она, видимо, решила, что похвалы недостаточно, и подняла большой палец вверх, демонстрируя, какая Цзян Яншуй молодец.

Цзян Яншуй лишь молча смотрела на неё.

Этот жест был явно лишним. Она опустила голову, прикрыв лицо рукой, и не сдержала лёгкой улыбки. По сравнению с прошлым разом она действительно была гораздо сдержаннее и не довела дело до того, чтобы той пришлось несколько дней носить повязку.

До конца периода восприимчивости Е Цзинь оставался последний день, и это принесло обоим огромное облегчение.

Когда пришло время ложиться спать, Е Цзинь первой забралась на кровать, похлопала по месту рядом с собой и выразительно посмотрела на Цзян Яншуй, всем своим видом приглашая её прилечь.

Цзян Яншуй, глядя на этот воодушевлённый взгляд, подумала, что сторонний наблюдатель мог бы решить, что это Е Цзинь — та самая нескромная особа, что затаскивает свою омегу в постель. Но на самом деле она просто жаждала её феромонов.

Цзян Яншуй откинула волосы за спину. В конце концов, они уже спали вместе прошлую ночь, так что она не видела причин отказываться и сейчас. В конце концов, на кровати спать всяко удобнее, чем на полу.

Она откинула одеяло, легла и, проведя рукой воображаемую черту между собой и Е Цзинь, сказала:

— Вот здесь граница. Не переходи.

Е Цзинь посмотрела на пустое место, где пролегла невидимая черта, и серьёзно кивнула:

— Если ты сама её переступишь, я сделаю вид, что ничего не заметила!

Цзян Яншуй нахмурилась:

— Я её не переступлю!

— Не стоит быть такой категоричной, слова, сказанные слишком уверенно, редко выдерживают проверку реальностью. В конце концов... — Е Цзинь поправила прядь волос у лба и с соблазнительной улыбкой добавила: — В конце концов, ты имеешь дело с таким выдающимся человеком, как я!

Цзян Яншуй нахмурилась, глядя на её манерную улыбку:

— Я ведь просила тебя не читать те отравляющие разум книжонки. Ты снова тайком их листала?

Улыбка на лице Е Цзинь застыла. Она закатила глаза и недовольно бросила:

— Какая же ты невежественная женщина, совсем не умеешь ценить прекрасное!

Цзян Яншуй легла и бросила на неё равнодушный взгляд:

— Пожалуйста, выключи свет. Эта невежественная женщина хочет спать.

Е Цзинь надула щёки, сердито зыркнула на неё, но послушно встала и выключила все лампы.

Комнату мгновенно поглотила темнота. Цзян Яншуй сделала глубокий вдох, и в её ноздри ударил густой аромат сливового вина. Её едва не повело от такой концентрации.

— Е Цзинь, ты вообще понимаешь, какая у тебя концентрация алкоголя в феромонах? — тихо спросила Цзян Яншуй. — Ты же освежающий напиток, почему градус такой высокий? Не считаешь, что это уже перебор?!

Е Цзинь, которая как раз собиралась лечь, замерла и моргнула. Почему она это спрашивает?

— Ты считаешь, что концентрация алкоголя в моих феромонах слишком высока? — Е Цзинь принялась. Ей казалось, что всё в порядке. Более того, она была уверена, что её аромат — самый подходящий для девушек, как раз на грани лёгкого опьянения, без тяжёлых последствий.

Цзян Яншуй промолчала. Признаться в том, что от её феромонов она чувствует себя так, будто напилась, было слишком стыдно. Но если молчать, то как жить дальше, ведь им предстоит провести вместе ещё немало времени. Рано или поздно она всё равно поймёт.

— Высокая, — глухо ответила Цзян Яншуй.

Е Цзинь забралась под одеяло, где её окутал аромат лотоса, и с блаженством вздохнула:

— На самом деле, концентрация не такая уж и большая, многим девушкам нравится именно такой сорт. По сравнению с виски или ромом, мой аромат — это сама невинность!

Ей нравились собственные феромоны: с лёгким послевкусием, но не слишком резкие — словно созданные специально для неё.

Цзян Яншуй промолчала. Стоило ли ей радоваться, что у Е Цзинь аромат сливового вина, а не какой-нибудь крепкий напиток? При мысли о том, что феромоны Е Цзинь могли бы пахнуть виски, Цзян Яншуй побледнела. Она боялась, что её бы просто стошнило на месте, вот уж был бы позор!

— На самом деле, мне тоже очень нравятся твои феромоны, — Е Цзинь повернулась на бок, лицом к Цзян Яншуй. Даже в темноте, видя лишь размытый силуэт, она улыбалась так широко, что глаза превратились в полумесяцы. — Чистый, лёгкий аромат с едва уловимой горчинкой. От него так приятно на душе, он совсем не надоедает!

Цзян Яншуй искоса взглянула в сторону Е Цзинь и тихо хмыкнула, не став ничего отвечать.

— Цзян Яншуй, в какой университет ты хочешь поступать? — спросила Е Цзинь. Она хотела

догнать её и подать документы в тот же вуз, и было бы до смешного нелепо, если бы она даже не знала, куда та целится.

— В какой университет? — Цзян Яншуй смотрела в потолок, её голос стал тише. — Наверное, в один из тех двух, что в нашей стране.

Е Цзинь посмотрела на неё и остро почувствовала, что настроение Цзян Яншуй упало. Учитывая, что та вернулась из-за границы, она не стала спрашивать, почему та не хочет учиться там. Да и если она останется здесь, разве это не упростит задачу поступить в один вуз с ней? Хотя она и сама не знала, есть ли смысл в этой погоне, но сделать что-то, чтобы самой стать лучше, — разве это плохо?

— Тогда жди, я обязательно стану твоей младшей сокурсницей! — гордо заявила Е Цзинь, всем видом показывая, что настроена решительно.

Цзян Яншуй лишь улыбнулась:

— Тогда тебе придётся приложить немало усилий.

База знаний у Е Цзинь была слабовата. Успеть догнать остальных за два года — задача не из лёгких. К счастью, у неё был острый ум и высокая способность к обучению, так что, если подумать, это было вполне возможно.

Е Цзинь фыркнула, решив, что эти слова — намёк на её неспособность, отвернулась к стене и начала безмолвный протест.

Цзян Яншуй не обратила внимания на этот жест. Она была погружена в свои мысли: внезапное появление Е Цзинь нарушило её планы, и теперь нужно было заново всё перестроить, чтобы извлечь максимальную выгоду.

Е Цзинь долго лежала спиной к ней, но, не дождавшись никакой реакции, снова сердито перевернулась. На этот раз довольно шумно, с характерным шорохом.

— Не спится? — Цзян Яншуй, казалось, наконец заметила её движения.

— Вроде того, — честно ответила Е Цзинь. После такого насыщенного дня было бы странно не устать, но сон никак не шёл.

Цзян Яншуй лежала рядом, и Е Цзинь отчётливо осознавала, что любимый человек совсем близко. Как тут не волноваться, как тут легко уснуть?

Цзян Яншуй помолчала, а затем искренне предложила:

— Если не спится, может, пойдёшь побегаешь?

Е Цзинь: «???»

— Почему это?

Не спится — иди бегай? Где логика?

— Так ты потратишь лишнюю энергию и не будешь больше устраивать беспорядки.

Цзян Яншуй тихо рассмеялась, внезапно решив, что идея очень даже неплохая.

Е Цзинь: «...»

Ты вообще человек... почему такая вредная...

— Когда у тебя был период течки, я ведь не заставляла тебя идти бегать?! — не выдержала Е Цзинь. Что за идиотский совет! Она только приняла душ, легла в кровать, а её отправляют на пробежку. Она вообще человек или нет?!

— Пожалуй, ты права, — Цзян Яншуй кивнула, соглашаясь. Она действительно не заставляла её бегать, наоборот, ухаживала весьма заботливо. — Ладно, спи. Если снова начнёшь буянить, придётся снова тебя укусить.

Е Цзинь: «...»

— Ты не человек!

— Быть человеком утомительно.

— Но это не повод быть собакой!

— Что? Ты презираешь собак? Разве собака — не лучший друг человека?

— Ты, ты... — Е Цзинь задохнулась от возмущения, не находя слов.

Она что, сегодня посещала курсы повышения квалификации по язвительности?

— Спи, я устала, — Цзян Яншуй закрыла глаза. Постоянно выпускать феромоны — это тоже ужасно выматывает.

— Ох, — отозвалась Е Цзинь, вдыхая её аромат, и, закусив губу, тихо улыбнулась.

Больше они не проронили ни слова. В комнате воцарилась тишина, в которой затаились неконтролируемые чувства, ожидающие лишь критической точки, чтобы вырваться наружу.

Посреди ночи Е Цзинь проснулась от прилива жара. Едва придя в себя, она обнаружила, что концентрация феромонов омеги в комнате достигла невероятного уровня. Её собственные феромоны дрожали и съеживались, а железа, к которой прижимались острые зубы, инстинктивно трепетала от страха.

Она хотела открыть глаза, но тело всё ещё пребывало в оцепенении от недосыпа. Она несколько раз пыталась проснуться, но безуспешно. Вдыхая аромат лотоса, она чувствовала, как внутри неё словно прорывается плотина — зуд и онемение, словно тысячи муравьёв грызли сердце, заставляя эту внутреннюю брешь расширяться всё больше.

Феромоны в воздухе смешивались, создавая новый, уникальный «напиток», и хотелось лишь одного — попробовать его на вкус.

Ночь потворствовала распушенности феромонов, но не людей. Инстинкты омеги воздвигали защиту перед лицом любой опасности.

Лицо Цзян Яншуй слегка изменилось. Она разжала зубы на железе Е Цзинь и только хотела отстраниться, как чьи-то руки обвились вокруг её талии, крепко прижимая и не давая уйти.

— Цзян Яншуй, Цзян Яншуй... — бормотала Е Цзинь. Её шёпот отдавался в ушах, и сейчас расстояние между ними было куда меньше, чем перед ужином.

— Е Цзинь! — позвала Цзян Яншуй, но та, не открывая глаз, не отвечала.

Цзян Яншуй попыталась встать, но из-за неудобной позы ей не хватало сил, а Е Цзинь держала её мёртвой хваткой. К счастью, та лишь обнимала её и не совершала других вольностей, что немного успокаивало.

— Цзян Яншуй, же... железа...

Е Цзинь снова начала капризничать, издавая жалобные звуки и призывая Цзян Яншуй снова поцеловать её железу, как совсем недавно.

Цзян Яншуй глубоко вздохнула, прижала голову Е Цзинь к себе и сильно укусила, но в самый

последний момент, когда зубы коснулись кожи, сдержала напор. Она лишь слегка потерлась зубами о железо, успокаивая этот бушующий, но такой хрупкий орган.

— М-м...

Е Цзинь издала невнятный звук, и руки, обнимавшие талию, нетерпеливо сжались сильнее.

Цзян Яншуй бросила взгляд вниз и снова почувствовала желание укунить её сильнее. Из-за того что Е Цзинь лежала на ней, Цзян Яншуй приходилось опираться на руки, чтобы не прижиматься слишком плотно.

— Е Цзинь, думаю, мне стоит записать тебя на курсы, — пробормотала она, не отрываясь от железа.

Е Цзинь от удовольствия прищурилась и потерлась щекой о её лицо:

— М-м, на какие?

— Курсы по воспитанию альфа. Чтобы ты выучила, какими качествами должен обладать альфа и как себя вести! — возмущённо бросила Цзян Яншуй.

— М-м... — Е Цзинь продолжала тереться щекой, совершенно не осознавая смысла сказанного.

Цзян Яншуй промолчала.

Когда Е Цзинь наконец утомилась, она закрыла глаза и тут же провалилась в сон, но руки, обнимающие Цзян Яншуй, не разжались.

Цзян Яншуй, утомлённая, закрыла глаза. У неё не было сил бороться с её поведением, поэтому она просто лежала, восстанавливая энергию. Вскоре она сама не заметила, как уснула.

На следующее утро Е Цзинь, проснувшись, инстинктивно прижала к себе того, кто был в её объятиях, и издала довольный стон. Человек в её руках был таким мягким и ароматным, что не хотелось отпускать.

Сознание постепенно возвращалось. Е Цзинь моргнула, глядя на человека в своих объятиях — сцена казалась до боли знакомой.

Цзян Яншуй издала невнятный звук, открыла глаза, чувствуя невероятную лень и нежелание двигаться.

Е Цзинь, кажется, припомнила события прошлой ночи. Не разжимая рук, она пробормотала:

— Мне не нужны никакие курсы по воспитанию альф!

— М? — лениво отозвалась Цзян Яншуй.

— Граница! Ты её переступила! Это тебе нужно на курсы по воспитанию омег!

Цзян Яншуй промолчала.

Какая же она всё-таки неблагодарная. Она открыла рот и укусила её.

— Ай! Ты что, собака?! — Е Цзинь обиженно надулась. Мало того что ведёт себя не по-человечески, так ещё и повадки собачьи!

— Отпусти, — Цзян Яншуй не стала спорить.

Е Цзинь закатила глаза, разжала руки и раскинулась на кровати «звездой».

Цзян Яншуй села, поправила растрёпанные волосы и, глядя на Е Цзинь, которая притворялась мёртвой, пнула её ногой:

— Вставай, иди готовь завтрак.

Е Цзинь: «???»

— Я не умею!

— Я тоже не умела, но вчера же приготовила? Сегодня твоя очередь.

— Практика — путь к истине. Если не будешь делать, никогда не научишься, — добавила Цзян Яншуй.

Е Цзинь: «...»

Девушка на кровати, тонкая, как стебель лотоса, казалась ей теперь какой-то другой — словно этот лотос окунули в чернила, и он слегка почернел.

Встав с кровати, Е Цзинь взглянула на свои ноги — к счастью, подол платья не задрался, иначе было бы совсем неловко, а то и пощёчину можно было схлопотать.

При мысли об этом она коснулась всё ещё распухшей щеки и с укором посмотрела на Цзян Яншуй. С таким лицом разве можно выходить из дома?

Цзян Яншуй, конечно, заметила её взгляд и почувствовала неловкость. Пока Е Цзинь умывалась, она зашла на кухню, проверила холодильник и, обнаружив там лёд, с облегчением выдохнула — хорошо, что всё необходимое было под рукой.

Когда Е Цзинь, вся в водяных парах, вышла из ванной, Цзян Яншуй уже приготовила лёд. Завернув его в марлю, она попросила Е Цзинь сесть:

— Иди сюда, приложу лёд.

Увидев её приготовления, Е Цзинь тут же расплылась в улыбке.

Цзян Яншуй смотрела на её распухшую левую щеку, опустив глаза и, чувствуя вину, бережно прикладывала холод, постоянно наблюдая, не испытывает ли та дискомфорта.

Через десять минут, решив, что достаточно, Цзян Яншуй легонько похлопала её по прохладной щеке и улыбнулась:

— Готово. Иди готовь завтрак.

Е Цзинь: «...»

Она покорно встала и поплелась на кухню.

Цзян Яншуй вернулась в свою спальню, первым делом зашла в ванную и, глядя на своё отражение в зеркале, тихо выдохнула.

Когда она вышла, в комнате витал вкусный аромат. Зайдя на кухню, она увидела две тарелки с лапшой с помидорами и яйцом. Хотя вид у блюда был не самый аппетитный, но, как ни крути, она справилась.

— Ну как? Я ведь лучше тебя, правда?

Цзян Яншуй посмотрела на её довольную мордашку и сдержанно улыбнулась.

— Попробуй! — Е Цзинь пододвинула тарелку к Цзян Яншуй, глядя на неё блестящими от предвкушения глазами.

Цзян Яншуй взяла палочки. Лапша была слегка переварена, но бульон оказался густым, а вкус — насыщенным, с приятной кислинкой помидоров. На самом деле, вполне неплохо.

— Неплохо, — кивнула Цзян Яншуй.

Е Цзинь тут же просияла:

— Кажется, у меня врождённый талант к кулинарии!

— Да, очень хорошо. На обед тоже ты готовишь, — серьёзно сказала Цзян Яншуй.

— А? — Е Цзинь моргнула, чувствуя подвох. — Ты меня обманываешь?

— Нет, — Цзян Яншуй покачала головой с самым искренним видом. — У тебя этот талант открылся, раз уж искра зажглась, нужно его развивать.

Е Цзинь: «...»

Эта женщина всегда найдёт, что сказать. Просто не хочет готовить обед и пытается спихнуть всё на неё!

— Если завтра опухоль на щеке не спадёт, возьми ещё один выходной.

— Конечно! — фыркнула Е Цзинь. Разве она может показаться на людях с таким лицом? Это же напрочь убьёт весь её авторитет!

Цзян Яншуй тихонько кашлянула и, опустив голову, принялась за лапшу.

Возможно, из-за того что это был последний день периода восприимчивости, состояние Е Цзинь было вполне стабильным, без тех сильных реакций, что были в предыдущие дни, что значительно облегчило жизнь Цзян Яншуй.

Пока Е Цзинь была в здравом уме, Цзян Яншуй занялась работой, а затем отправилась в музыкальную комнату — репетировать пьесу для школьного юбилея.

Увидев, что Цзян Яншуй ушла, Е Цзинь взяла свои книги и последовала за ней. В конце концов, это помещение раньше служило кабинетом, так что письменный стол там был.

Заметив, что та зашла следом, Цзян Яншуй ничего не сказала, лишь закрыла глаза, погружаясь в мир музыки.

Когда-то её самой большой мечтой было стать выдающейся пианисткой, но события, произошедшие позже, заставили её изменить взгляды. Даже если придётся пожертвовать мечтой, она заставит того человека заплатить за содеянное!

Одна играла на пианино, другая училась — такая обстановка оказалась на удивление гармоничной, и никто никому не мешал.

Обед снова готовила Е Цзинь, хотя Цзян Яншуй помогала ей. Глядя, как Е Цзинь одновременно смотрит обучающие видео и повторяет движения, она не могла не признать, что способности к обучению у той весьма неплохие.

На обед была простая жареная свинина с бамбуком и овощи. Хотя блюд было немного, выглядело всё вполне пристойно.

Цзян Яншуй посмотрела на этот с трудом добытый обед и не поскупилась на похвалу, в точности как Е Цзинь, подняв большой палец вверх.

Увидев такую реакцию, Е Цзинь снова задрала нос.

— Жди, на ужин я обязательно приготовлю тебе настоящий пир!

<http://bllate.org/book/21716/2243887>